

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: Путь к Китаю. (Письма миссионера) [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: письма XXII—XXIV: 7, 14 марта, 23 мая 1840 г.] // Богословский вестник 1898. Т. 1. № 1. С. 89—100 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Страница изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссіонера).

ПУТЬ КЪ КИТАЮ.

XXII.

7 Марта 1840 г.

Троицко-Савскъ.

Къ родителямъ.

Вы, вѣрно, спросите меня, гдѣ я теперь кочую? Какъ я добрался до настоящаго своего мѣста? Спѣшу вамъ отвѣчать. Я теперь живу въ четырехъ верстахъ отъ Кяхты—и отъ русской границы, въ маленькомъ городкѣ,—Троицко-Савскѣ. Кяхта—мѣстечко; здѣсь живутъ одни купцы, и производится торговая мѣна съ китайцами,—а прочіе, чиновники и мѣщане, не имѣютъ права здѣсь жить. Кажется, что и мы, послѣ Пасхи, или даже до Пасхи, соберемся въ Кяхту для того, чтобы болѣе ознакомиться съ китайцами, которые живутъ подлѣ самой Кяхты, по лучше сказать въ самой Кяхтѣ, потому что Кяхта и Маймачинъ—не болѣе какъ городокъ, раздѣленный воротами и гауптвахтами на двѣ половины.—Притомъ въ Кяхтѣ есть кигайское училище, и многіе мальчики очень хорошо говорятъ по китайски; значить, мы можемъ съ ними практиковаться. Но о Кяхтѣ рѣчь еще впереди! Живу я на кзенной квартирѣ, у одной старушки, вмѣстѣ съ Казацкимъ студентомъ. Унасъ квартира очень опрятная; состоитъ изъ спальни, гдѣ унасъ и столовая,—небольшаго кабинета, гостиной и небольшой приѣмной комнаты; мебель небогатая, но и не безъ вкуса.

есть зеркало, кресла, и диваны; прислуживаетъ намъ — казакъ, данный отъ здѣшняго начальства; столъ готовить намъ хозяйка, и готовить, судя по здѣшнимъ мѣстамъ, хорошо. Только здѣсь содержаніе не дешево: мы платимъ по 50 руб. съ человѣка за столъ и булки къ чаю. Вообще наша квартира удобна; недалеко отъ центра города; изъ оконъ нашей спальни видны синѣющія вдали песчаныя горы Монголіи, увѣнчанныя снѣгами, и ворота Маймачина, поражающіе на первый разъ странною затѣйливостью своей архитектуры. Троицко-Савскъ окруженъ почти со всѣхъ сторонъ горами; изъ за ихъ вершинъ уже нельзя видѣть родной русской земли: жителей здѣсь немного, и тѣ отъ непрестанныхъ сношеній съ азіатцами и отъ занятія торговлею получили какой то странный характеръ. Здѣсь все дорого, любятъ запрашивать, и нужно имѣть особенную опытность, чтобы купить по сходнѣе; здѣшній купецъ не спуститъ и своему пріятелю. Мы пріѣхали въ Троицко-Савскъ ночью на 3-е число марта, но еще до сихъ поръ я ни съ кѣмъ изъ русскихъ не познакомился, только выполнилъ нѣсколько визитовъ *ex officio*. За то я успѣлъ порядочно наглядѣться на бурятовъ. Мой товарищъ учился монгольскому языку; четыре года жилъ съ бурятскимъ ламою въ Казани, и отъ него онъ научился говорить очень свободно и привезъ съ собою отъ ламы рекомендательныя письма къ здѣшнимъ ламамъ и богатымъ бурятамъ, погому они насъ посѣщаютъ каждый день по двое и по трое вдругъ; вотъ и сегодня, одинъ изъ нихъ даже почевалъ у насъ;—народъ замѣчательный и по своей фیزیономіи, и по своему характеру; многіе изъ нихъ говорятъ, хотя и не чисто, по-русски. Буряты—народъ смысленный, но неопрятный, постоянно ходятъ въ своихъ тулупахъ, которые надѣваются прямо на голое тѣло; если онъ работаетъ и вспотѣетъ, то спокойно снимаетъ свою шубу, и работаетъ нагой; я въ Иркутскѣ нѣсколько разъ на улицѣ видѣлъ такихъ работниковъ. Они добры, радушны, но, если онъ узнаетъ, что у васъ можно что-нибудь выманить, то онъ постарается сдѣлать это; большіе охотники до подарковъ. Еще одна черта замѣчательна въ нихъ, — это любопытство; если онъ притетъ къ вамъ, то пересмотритъ всѣ ваши вещи: безъ всякой церемоніи онъ начнетъ рыться и въ вашемъ ящикѣ, и вашемъ портфельѣ: если ему попра-

вится ваша одежда, то онъ прехладнокровно ощупаетъ васъ съ головы до ногъ; если можно снять съ васъ что-нибудь, то онъ, безъ всякихъ околичностей, не говоря ни слова, сниметъ и привѣряетъ. Вчерашній день были мы въ Кяхтѣ и тамъ видѣли китайцевъ, какъ они съ важною осанкою и серіознымъ видомъ расхаживали по городу. Когда мы осматривали Кяхтинское китайское училище, то пришелъ къ намъ одинъ богатый китаецъ; узнавши, что мы миссіонеры, онъ тотчасъ подошелъ къ намъ и сталъ говорить съ нами на ломаномъ русскомъ языкѣ; его приемы были такъ непринужденны и благородны, что онъ намъ очень понравился. Самая фізіономія у него была довольно привлекательна; надобно вообще замѣтить, что китайцы, не смотря на то, что въ родовыхъ чертахъ сходны съ Монгольцами, несравненно красивѣе Монголовъ. Одежда ихъ довольно величественна, самая коса пристала къ ихъ наряду; короче сказать, первое знакомство съ китайцами сдѣлало на насъ очень выгодное впечатлѣніе. Прощаясь съ нами, онъ насъ сильно просилъ къ себѣ въ Маймачинъ, увѣряя что всѣ его земляки будутъ рады видѣть насъ у себя. И дѣйствительно, мы слышали на Кяхтѣ, что китайцы съ любопытствомъ ожидали нашего приѣзда, и нѣсколько разъ спрашивали: приѣхали ли мы сюда. Думаемъ скоро отправиться къ нимъ въ Маймачинъ, тогда подробнѣе напишу вамъ о китайцахъ. Что я теперь дѣлаю? — доколѣ еще почти ничего. Дня два отдыхали отъ дороги: потомъ принялся учиться по монгольски. Да еще мы учимся на бурятскихъ лошадяхъ ѣздить верхомъ. По Монголіи мѣстами и отъ скуки придется ѣхать и верхомъ, значить, нужно заранѣе попривыкнуть къ этой ѣздѣ. На будущей недѣлѣ начнутся наши занятія и по китайски. Такъ то мы мало по малу подвигаемся къ собственно-азиатскому міру, привыкаемъ дышать его воздухомъ, — жить его элементами; и такъ то начинаемъ отдаляться отъ жизни русской родной!

Что Вамъ сказать о нашей дорогѣ? Съ слезами на глазахъ, съ грустью на сердцѣ. — я сѣлъ въ повозку, и полетѣлъ отъ Васъ изъ Костромы: станціи три мы мчались быстро, но далѣе мы встрѣчали задержки или отъ того, что не было лошадей, или отъ того, что лошади только передъ нами воротились, — и потому нужно было ожи-

дать того времени, какъ они отдохнуть; эти задержки были причиною того, что мы почти по всей Костромской губерніи и далѣе нежели до половины Нижегородской ѣхали не бойко, а потому не успѣли къ 15-му Января въ Казань. Въ концѣ Нижегородской губерніи уже не встрѣчали болѣе задержекъ, потому что уже тамъ было получено предписаніе отъ Министра почтовыхъ дѣлъ о незадержаніи насъ въ пути; тогда мы быстро понеслись и предъ нами только мелькали версты, деревни и города. Въ нижнемъ мы были ночью; только перемѣняли лошадей и потому я, къ сожалѣнію, не видалъ этого замѣчательнаго города. Помнится только, что мы проѣзжали по довольно красивымъ улицамъ: но если я не видалъ Нижняго, — то хорошо разглядѣлъ Казань. Признаюсь, — этотъ городъ произвелъ на меня довольно сильное впечатлѣніе, и по справедливости онъ считается послѣ Петербурга и Москвы — третьимъ городомъ въ сѣверномъ краю Россіи. Эта странная смѣсь Европейскаго образованія съ Азіатскою простотою, — исламизма съ христіанствомъ, русскихъ съ татарами, видъ христіанскихъ церквей съ многочисленными главами и мусульманскихъ мечетей съ остроконечными минаретами, звукъ колоколовъ и дикое, пронзительное завываніе муззиковъ, полуразвалившіеся дворцы Казанскихъ царей, безмолвные памятники древней славы Казани и бѣдствія русскихъ, Сумбекина мечеть, служащая еще и нынѣ для татаръ какимъ то таинственнымъ залогомъ будущей ихъ свободы, и русскій памятникъ, наперекоръ возвѣщающій рабство татарское, русскіе дома, отличающіеся богатствомъ и красотою архитектуры своей, и дома татарскіе деревянные, одноэтажные, съ закрытыми ставнями, съ высокимъ заборомъ, однимъ словомъ, вся эта картина составленная изъ такихъ рѣзкихъ противоположностей, въ общей панорамѣ, — поразительна, и невольно увлекаетъ глаза, мысль, воображеніе и чувство зрителя. Самые жители этого города оставили въ насъ самое пріятное воспоминаніе. Не знаю, по свойственному ли имъ радушію, или по любопытству видѣть насъ, только мы непрестанно слышали приглашенія — на чай или обѣдъ. Я думалъ, что кромѣ Сергѣя Оед. Неофитова не найду никого знакомыхъ, вышло противное, — даже случилось съ нами то, что эти приглашенія намъ надобно, и мы снѣшили вырваться изъ Казани. Сер.

Оед. принялъ меня какъ родного, приглашалъ къ себѣ жить, но у него квартира была не слишкомъ просторная, притомъ же явились трое претендентовъ, которые у него оспаривали меня (одинъ нашъ землякъ, проф. сем. Владиміровъ, другой здѣшній священ.,— его сынъ учится въ нашей акад.), то я, чтобы не обидѣть ни того ни другого отказомъ, остался жить въ гостинницѣ вмѣстѣ съ своими товарищами. 19 числа въ 12 часовъ ночи мы послѣ тостовъ шампанскаго, напутствуемые всѣми возможными благожеланіями,—торжественно цѣлымъ поѣздомъ отпавились изъ Казани; нѣкоторые изъ университетскихъ наставниковъ провожали насъ за заставу. По Казанской, Вятской, Пермской губерціямъ—мы летѣли, а не ѣхали. Лошади бойкія, рѣзвыя, ямщики лихіе. Вотикъ или татаринъ заложить тройку ухаарскую, привяжеть вѣсто одного цѣлыхъ два колокольца,—затянетъ заунывную пѣсню, въ которой вы разслушаете однѣ гласныя буквы и имя Батыя,—до сихъ поръ памятное для татаръ, и мчится во весь опоръ; ухабы, горы ниночемъ, у него лошади степныя, они привыкли мчатся, а не бѣжать: ихъ нужно удерживать, а не погонять. Такая ѣзда, ночью, при свѣтѣ луны и мерцавнн звѣздъ, при томныхъ напѣвахъ ямщика, въ страніѣ угрюмой, лѣсистой, среди всеобщей тишины и скучнато безлюдія имѣеть много поэтическаго. Мы быстро и незамѣтно приблизились къ Перми и въ 11-мъ часу ночи пріѣхали въ городъ. Хоть я видѣлъ Пермь и ночью, — по старался ее поразглядѣть; и по моимъ наблюденіямъ и по отзывамъ другихъ выходитъ, что Пермь пустой городъ и по населенію, и по удобствамъ жизни, и по строенію. Послѣ 2¹/₂ часовъ моего пребыванія въ Перми я расстался съ нею и полетѣлъ навстрѣчу Уральскимъ горамъ; это былъ первый горный хребетъ, который я увидѣлъ, и Уралъ для меня будетъ памятенъ. Мы постепенно все болѣе и болѣе возвышались; за нами, вокругъ насъ—все были горы, покрытыя сосновыми рощами; уральскій хребетъ своими отрогами здѣсь наполняетъ всю Пермскую губернію; они не отличаются особенно высотой, потому что поднимаются не вдругъ и не круто, но постепенно и довольно отлоги: здѣсь не видно ни пиковъ, ни горъ съ вѣчными свѣгами; впрочемъ, есть горы очень значительной высоты, — и вообще эти горы чрезвычайно живописны, — и

для меня они лучше понравились, нежели большая часть сибирскихъ горъ. Особливо для меня, жителя равнины, горы должны были имѣть особенную прелесть; и дѣйствительно, я много, много любовался этимъ новымъ для меня зрѣлищемъ. Но Уралъ памятенъ и потому, что здѣсь я едва не положилъ головы своей. Мы уже были не далѣе восьмидесяти верстъ отъ Екатеринбурга; горы становились все круче и круче, мы ѣхали ночью, тройка у насъ была лихая и мы обогнали своихъ товарищей.—все было благополучно, спокойно поднимались на одну крутую гору; болѣе половины уже поднялись; вдругъ наши лошади чего то испугались, заржали, закусили удила, и понесли вверхъ; ямщикъ соскочилъ съ козелъ, хотѣлъ удержать ихъ, напрасно, они еще болѣе разсвирѣѣли,—и ямщикъ не могъ удержать возжей; лошади разомъ внесли насъ на вершину, и вдругъ вмѣсто того, чтобы спускаться по дорогѣ, они своротили въ сторону, и помчались во весь духъ по скату горы; мы летѣли какъ въ бездну, изъ новозки выскочить нельзя: она отпирается извнѣ, а не изнутри, мы уже ожидали той минуты, какъ насъ сбросятъ лошади въ какую нибудь бездну; и дѣйствительно, скатъ оканчивался отвѣснымъ обрывомъ, а внизу былъ ровъ, поросшій соснами. Къ счастью нашему, что въ концѣ ската, прежде нежели начинался обрывъ, была лощина, вся покрытая снѣгомъ; лошади, бросившіяся въ нее стремглавъ, завязли, и мы были спасены. Благодареніе Богу, мы не получили себѣ ни какой раны или ушиба, но наша повозка, такъ была повреждена, что едва могли въ ней дотащить до Екатеринбурга. Здѣсь прожили три дня слишкомъ, именно для починки повозки. Я къ вамъ писалъ изъ Екатеринбурга, но объ этомъ обстоятельствѣ умолчалъ, чтобы не встревожить васъ напрасно. Въ Екатеринбургѣ мы осганавливались въ гостиницѣ, и тутъ съ нами случилось одно происшествіе: у моего сѣдока о. Гурія, при укладкѣ вещей въ повозку, пропало триста рублей ассигнаціями изъ норгфеля; къ счастью, что онъ скоро хватился; воръ не успѣлъ далеко спрятать деньги. Такъ то насъ встрѣтила Сибирь; воръ былъ человекъ, который намъ прислуживалъ, онъ видѣлъ куда были положены деньги, и думалъ воспользоваться чужимъ добромъ; онъ родомъ сибирякъ. Въ Екатеринбургѣ уже жители себя

отличаютъ отъ русскихъ... Окончаніе моего письма будетъ съ слѣдующей почтой, а теперь пора его отправлять.

XXIII.

14 Марта.

Троицко-Савскъ.

Къ брату.

Двѣ недѣли уже, какъ я отдыхаю отъ долгаго пути. Въ субботу, на первой недѣлѣ, ночью мы пріѣхали въ Троицко-Савскъ,— въ которомъ мы должны жить до самаго отъѣзда въ Пекинъ. Намъ вѣзмъ отведены казенныя квартиры: и я теперь живу съ Васильевымъ, кандидатомъ Казанскаго Университета. Изъ оконъ моей спальни видна и самая Кяхта, ворота Маймачина, удивительныя для насъ, привычныхъ къ европейской архитектурѣ, но своей фантастически вычурной фигурѣ,—и горы монголіи, за которыми далѣе начинается и стена. Окрестности самаго Троицко-Савска — уже походятъ на пустыню. Городъ лежитъ въ тѣсной ложинѣ, съ трехъ сторонъ сдавленный несчаными горами, коихъ вершина увѣнчана сосновымъ лѣсомъ, почва земли—вообще песчаная—безплодная,—и безводная; воздухъ сухой, зимою холодный отъ горныхъ вѣтровъ, лѣтомъ — знойный, удушливый отъ неску; снѣгъ здѣсь считается рѣдкостью,— въ двадцать лѣтъ однажды бываетъ здѣсь санный путь. Одна только весна здѣсь можетъ назваться порядочною. Какова почва—таковы и произведія,—таковъ и самый городъ. Въ Троицко-Савскѣ не найдете ничего замѣчательнаго; живутъ здѣсь одни чиновники и мѣщане, а купцы, — самое богатое народонаселеніе здѣшняго края—въ Кяхтѣ. Это мѣстечко отъ Троицко-Савска лежитъ только въ четырехъ верстахъ; здѣсь собственно производится вся наша торговля съ Китаемъ и здѣсь живутъ одни купцы. Сдѣлать нѣсколько шаговъ за ворота кяхтинскія, и вы уже за границую—обширныхъ русскихъ владѣній. Итакъ, съ одного рубежа Русскаго Царства— перенесся на другой. Я не только живу на самой крайней точкѣ нашихъ владѣній; но уже нѣсколько разъ бывалъ за Руской границею,—во владѣніяхъ—Китайскаго Богдыхана. Какое то странное, до сихъ поръ не испытанное мною чувство, овладѣло мною при

первомъ шагѣ на чужую землю, — и оно было такъ сильно, что ни любопытство, — ни множество новыхъ для меня предметовъ, которые невольно привлекали на себя мое вниманіе, не могли его подавить. Какъ ничтожно разстояніе между Кяхтою и Маймачиномъ, — но за то — какая рѣзкая противоположность отдѣляетъ эти двѣ границы. Вступая въ Маймачинъ, вы входите въ новый міръ, который поразитъ васъ, съ перваго раза, своею странною новизною, Маймачинъ, не смотря на то, что онъ не болѣе, какъ пограничное мѣстечко, только въ извѣстное время года оживляемое торговлею, не смотря на свою странную архитектуру, — изумляющую васъ только прихотливою затѣйливостію воображенія, а не строго обдуманномъ планомъ и легкостію своихъ частей, не смотря на все это онъ покажется вамъ лучше Троицко-Савска. Предъ вами представляются улицы Маймачина — въ видѣ длинныхъ довольно узкихъ, прямыхъ линій, пересѣкающихся городъ въ различныхъ направленіяхъ и выходящихъ отъ главной башни, которая составляетъ центръ и исходный пунктъ всего города; на всемъ протяженіи этихъ линій почти безпрерывно тянутся деревянныя одноэтажныя зданія, вышиною въ деѣ или въ полторы сажени. глухія, безъ оконъ на улицу съ плоскими крышами, которыя на концахъ принимаютъ угловатую форму и нѣсколько загнуты вверхъ: дома обмазаны сѣрваго бѣлою глиною, и притомъ такъ искусно, что они кажутся каменными, и сверхъ того глина сохраняетъ дерево отъ порчи. На улицахъ вы увидите толпы китайцевъ, важно расхаживающихъ въ длинныхъ платьяхъ, которыя похожи на наши кафтаны, только свободнѣе и просторнѣе ихъ; на этомъ кафтанѣ надѣта маленькая куртка, которая походитъ на незерину или на легонькую энанчу; съ важною поступью онъ выступаетъ какъ будто какой нибудь философъ, не обращая, по видимому, ни на что и никакого вниманія: на бедрѣ у него виситъ мѣшечекъ съ табакомъ; тутъ же и трубка и весь приборъ; спокойно, среди улицы и народу, раскуриваетъ свою джуанъ (крошечная мѣдная трубка, меньше нашего наперстка, съ мѣднымъ или изъ чернаго дерева, тоненькимъ, коротенькимъ чубучкомъ и опять продолжаетъ свою дорогу, выпуская только глотки дыму; длинная заплегенная коса, къ которой еще придѣ-

ланъ шелковый черный пшурокъ, иногда простирающаяся до пять, заключаетъ его шествiе. Лице его такъ спокойно, холодно, равнодушно, что вы не скоро на немъ прочтаете что нибудь. Но лице его благородно, правильно и весьма близко подходитъ къ европейскому; если китайцы дѣйствительно таковы по своей физиономiи, какими я видѣлъ ихъ въ Маймачинѣ, то, право, ихъ почти можно назвать братьями европейцевъ. Они рѣзко отдѣляются отъ Монголовъ и Бурятъ, у которыхъ лице широкое, плоское; щеки почти на одинакой высотѣ со лбомъ, — носъ приплюснутый и широкій: вообще лице — безъ симпатiи и особенной красоты. Правда, что и среди Монголовъ можно найти физиономiи довольно хорошия; и среди китайцевъ — похожихъ нѣсколько на Монголовъ; — но это частности. Вообще (насколько могу сдѣлать такое заключенiе, потому что слишкомъ обширно наведенiе) лице у китайцевъ довольно сухое, продолговатое выпуклое, и прiятное, — носъ у нихъ не большой, но неприплюснутый; глаза ихъ не такъ узки, какъ кажется у насъ привыкли думать, самый костюмъ ихъ, — какъ онъ ни страненъ на первый разъ, — очень идетъ къ нимъ. Китайцевъ — мы видѣли или въ шолковыхъ платьяхъ, или въ простыхъ сдѣланныхъ изъ матерiи похожей на нашъ демикотонъ Взойдите въ домъ китайца и вы получите о немъ совершенно другое понятiе. Онъ тотчасъ встрѣтитъ васъ своимъ привѣтствiемъ *хао ма, и, цинъ до*: здоровы ли вы; прошу садиться; онъ приметъ васъ такъ ласково и такъ вѣжливо, — что вамъ не скучно будетъ посидѣть у него часа два. Комнаты, которыя видѣли, меблированы богато; онѣ обиты бѣлыми обоями; впереди огромный помость (замѣняющiй нашъ диванъ), устланный богатыми коврами и подушками; внизу стоятъ скамеечки; посреди комнаты стоитъ столъ, внутри котораго сдѣлана жаровня; всѣ эти вещи — изъ чернаго или краснаго дерева. Стѣны увѣшаны различными надписями, и изреченiями: тутъ же вы найдете и библиотечку. Китайцы насъ принимали очень радушно: потчивали чаемъ, табакомъ, и конфектами... Простите, что я вдругъ прерываю письмо: сейчасъ прiѣхалъ изъ Иркутска нашъ Архимандритъ, и я иду къ нему.

XXIV.

23 Мая. Троицко-Савскъ.

Къ родителямъ.

Причиною моего долгаго молчанія была моя отлучка изъ Троицко-Савска; на третій день Пасхи я увезенъ былъ въ гости на одну дачу, къ знакомому чиновнику, и тамъ у радушнаго хозяина долженъ былъ провести остальные дни праздника. Тамъ я встрѣтился съ знакомымъ бурятскимъ Тайшею и тотъ увезъ меня въ свой улусъ; и вотъ я только-что одинъ день еще какъ возвратился изъ вояжа. Тайша—это князекъ, управляющій нѣсколькими улусами;—человѣкъ очень богатый; онъ изъ бурятъ, или, какъ здѣсь говорятъ, изъ Брацкихъ;—но не смотря на то, онъ хорошо владѣеть нашимъ языкомъ, и изъ его обращенія видно, что онъ долго жилъ съ русскими и видѣлъ кое-что; его улусы ведутъ жизнь кочевую и каждый годъ нѣсколько разъ мѣняють свои кочевья; для меня пріятно было взглянуть на жизнь, такъ называемыхъ, дѣтей природы; но хороша природа, когда ее вымоютъ, да вычешутъ, а безъ того она наводитъ скуку и тоску на сердце. Какъ жаль, что люди, имѣя всѣ средства пользоваться жизнью, не хотятъ ею наслаждаться. Вообразите себѣ бурятскую юрту—дорожно обширную палатку, которая утверждается на довольно тонкихъ жердочкахъ, какъ зонтикъ на жимолости. Въ юртѣ бываетъ только два отверстія: лазейка, — чрезъ которую можно попасть или лучше проползти въ юрту, и другое отверстіе для дыма, который наполняетъ все это небольшое пространство; прямо противъ входа возвышается жертвенникъ въ видѣ лѣстницы, съ уступами; на ступеняхъ видны мѣдные бурханчики, ихъ идолы; посреди этихъ жалкихъ свидѣтелей ихъ религіозной слѣпоты нерѣдко можно найти и православныя иконы, для многихъ изъ нихъ почти такъже священныя какъ и для насъ,—разумѣется только, что они не понимаютъ истиннаго значенія нашихъ образовъ. Далѣе, по обѣимъ сторонамъ юрты тянутся ряды сундуковъ, гдѣ хранится все богатство буряты, или лучше—весь его скарбъ,—и стѣсняють и безъ-того уже небольшую площадь его юрты. Посрединѣ—жаровня, гдѣ возвышается огромный чугунокъ, въ которомъ варится баранина. и котелокъ съ

кирпичнымъ чаемъ, вѣчнымъ палиткомъ бурять. Вокругъ огня, на такомъ ограниченномъ пространствѣ, помѣщается вся семья бурять, — почти всегда многочисленная; на разостланныхъ войлокахъ лежатъ цѣлыми группами, грѣются, копятся и проявляются, какъ леци или сеledки, вокругъ огня. Отъ постоянного дыма, копоти и сквернаго ихъ табаку, отъ нечистоты, неопрятности и тѣсноты атмосфера въ юртахъ самая удушливая. Большіе изъ бурять посятъ на себѣ, исключая лѣтнихъ жаровъ, и дома и на улицѣ, бараньи тулупы, которые надѣваютъ они прямо на тѣло. Отъ постоянной испарины эти тулупы издають смрадный запахъ; а маленькіе изъ нихъ, мальчики и дѣвочки, бѣгаютъ совершенно нагіе. Среди такихъ-то грязныхъ картинъ и людей, по несносному радушію Тайши, я долженъ былъ провести двѣ недѣли. Признаюсь, мнѣ это такъ надоѣло, что я считалъ тотъ день большимъ праздникомъ для себя, когда вырвался изъ этого общества бурять. Впрочемъ, у Тайши есть и русскій домъ, который мнѣ показался раемъ послѣ дымныхъ и душныхъ юртъ. Но у моего хозяина, — не смотря на то, что онъ очень хорошо знакомъ со всѣми удобствами нашей жизни, — такая страсть къ кочеванію, что онъ самъ живетъ въ юртѣ и вмѣстѣ съ своими родовичами кочуетъ по здѣшнимъ пустынямъ и охотно переноситъ всѣ неприятели такой бродяжнической жизни. Домъ у него только для приличія и для русскихъ гостей. Но если, съ одной стороны, такъ грязны и несносны буряты, то, съ другой стороны, у нихъ много и хорошаго. Буряты вообще добры, хотя и любятъ денежки, очень радушны: чрезвычайно довольны русскимъ правительствомъ и жалѣютъ о монголахъ, что они не подъ властію Бѣлаго Царя, а изнемогаютъ подъ игомъ Богдыхана; нашъ Государь для нихъ существо какос-то божественное; по его слову они, кажется, готовы сдѣлать все; сверхъ того, они расположены къ христіанству; многіе изъ нихъ крестятся, — ходятъ въ церковь поютъ молебны и кланяются иконамъ. Множество ламъ еще ихъ удерживаетъ въ язычествѣ, — но они сами не слишкомъ къ тому расположены, потому что этихъ ламъ чрезвычайное множество, и всѣ они, какъ пиявицы, высасываютъ послѣднюю кровь у нихъ. Можно надѣяться, что буряты, при благоразумномъ дѣйствіи и поощреніи съ стороны свѣтской

власти и при ревностныхъ трудахъ духовенства, скоро могутъ обратиться къ христіанству. Преосвященный Нилъ дѣятельно занимается этимъ дѣломъ, и нѣтъ сомнѣнія, что его труды не останутся безъ награды, — тѣмъ болѣе, что онъ уже положилъ доброе начало. Преосвященный, объѣзжая епархію, вездѣ обращалъ свое вниманіе на буряты, заходилъ даже въ ихъ храмы, -- и трудно повѣрить, съ какимъ энтузіазмомъ, съ какимъ уваженіемъ вездѣ встрѣчали и принимали его буряты. Но довольно!
